

Бутовская М.Л., Буркова В.Н., Драмбян М.Ю. Церемония прижигания ребенка как инициация включения у датога северной Танзании // Вестник РГНФ, 2008, 1(50). С. 163-173.

*М.Л.Бутовская, В.Н.Буркова, М.Ю.Драмбян**

Церемония прижигания ребенка как инициация включения у датога северной Танзании

Наше знакомство с датога — скотоводами Восточной Африки — началось несколько лет назад, когда в перерыве между посещениями стоянок хадза в районе оз. Эйяси мы заглянули к родственникам нашего переводчика Момои, датога из клана *Баджута*. Как антропологи, мы хорошо представляли себе, что изучение культуры традиционных народов требует включенного наблюдения (что совершенно невозможно без упорства, толерантности, умения сопереживать и приходить на помощь местному населению). Однако соблюдение этих простых правил в отношении датогской культуры, столь далекой от нашей, потребовало исключительной выдержки и жесткого контроля за своим поведением. Прежде всего, речь идет о контроле за невербальным поведением: мимикой, жестами, позами. Как выяснилось, датога обращают огромное внимание на такого рода сигналы, и любое неадекватное (с их точки зрения) движение рукой или мимика, вызывают у них отчуждение, опаску и дискомфорт. Впрочем, со временем обе стороны (мы и они) стали более терпимыми к «странностям» друг друга, и контакты с отдельными датогскими семьями переросли в тесную дружбу. Именно это обстоятельство и позволило нам стать очевидцами одной из важнейших

* **Бутовская Марина Львовна** — доктор исторических наук, заведующая сектором этологии человека Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н.Миклухо-Маклая, руководитель проекта «Выбор партнера в моногамных и полигамных обществах: Российская комплексная экспедиция в северную Танзанию» (07-01-18009е), грант РФФИ 07-06-00078а.

Буркова Валентина Николаевна — аспирант сектора этологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, исполнитель того же проекта.

Драмбян Михаил Игоревич — аспирант сектора этологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, исполнитель того же проекта.

церемоний жизненного цикла, связанной с прижиганием головы и тела младенца.

Восточноафриканские народы датога (татога, мангати, барабайг) — нилоты, говорящие на языке шари-нильской группы нило-сахарской языковой семьи [7, с. 383]. В подавляющем большинстве они продолжают придерживаться традиционных верований, несмотря на многолетние усилия миссионеров различных конфессий. Основное занятие датога — скотоводство. Они держат крупный рогатый скот — зебу, а также овец, коз и ослов. Колониальные власти, равно как и постколониальное независимое правительство, относились с большим недоверием ко всем скотоводам, считая их агрессивными, плохо контролируемыми и невосприимчивыми к цивилизации [16]. По мнению местных властей, кочевой образ жизни, частые набеги с целью угона скота у соседей, приверженность традиционным культам делали датога реальной угрозой для развития ряда регионов северной Танзании.

Как следствие, сегодня датога являются маргинальной, стигматизированной группой, испытывающей значительную социальную и политическую дискриминацию. В настоящее время правительство стимулирует эмиграцию земледельцев в районы традиционного проживания датога, лишая их пастбищных угодий и доступа к водным ресурсам [15].

Датога — одна из беднейших скотоводческих групп Восточной Африки [17], и ее экономическое положение продолжает ухудшаться. В условиях вытеснения в менее благоприятные экологические ниши часть беднейших датогских семей была вынуждена оставить скотоводство и начать осваивать земледелие.

У датога сохраняется патриархальная расширенная семья и полигамные патрилокальные браки. Приобретая жену, мужчина платит родителям невесты выкуп скотом, а также может преподнести подарок в виде меда. Отчетливо выражены система возрастных классов и разделение труда между полами [6]. Наследование скота осуществляется по мужской линии. Традиционно только мужчины, принадлежащие к определенным возрастным классам, могут вступать в брак. Как правило, это происходит в

достаточно зрелом возрасте, что, возможно, в прошлом было связано с воинскими обязанностями молодых мужчин. Вместе с тем сегодня возраст вступления мужчины в брак зависит от достатка семьи. По нашим данным, в состоятельных семьях сыновья вступают в браки раньше, чем в бедных. Выбор невесты преимущественно осуществляет сам мужчина, но он должен быть санкционирован его родственной группой (прежде всего отцом).

Окончательное слово в выборе мужа принадлежит родственникам девушки, однако, как показывают проведенные нами интервью с женщинами в возрасте от 20 до 70 лет, во многих случаях выбор отца девушки падал на мужчину, с которым его дочь уже состояла в дружеских (а зачастую, и в сексуальных) отношениях. В значительно меньшем числе случаев девушку выдавали замуж за незнакомого человека. Существенным аргументом в пользу заключения брака по инициативе родителей девушки являются экономические соображения (наличие скота), однако в тех случаях, когда выбирали сами женщины, значение имели также личностные качества жениха (доброта, любовь к детям, низкая агрессивность и пр.).

Следует отметить, что секс до брака для девушки не является стигмой и не оказывает существенного влияния на успешность ее последующего замужества. По нашим данным, в случае, когда девушка рождает до брака (и не от того мужчины, за которого собирается замуж), официальным отцом ребенка считается ее брат. Он же выполняет все попечительные обязанности в отношении этого ребенка. Добрачный ребенок, будь то мальчик или девочка, принадлежит, таким образом, клану матери.

Традиционно датога, наряду с другими нилотами, описывали как выраженно патрилокальную и патриархальную культуру с низким статусом женщины. Однако наши наблюдения свидетельствуют о том, что такие выводы применительно к датога не вполне соответствуют действительности. У датога женщины активно участвуют не только в социальной (выступают на общественных собраниях и сами являются инициаторами таких собраний), но и в религиозной жизни общества (могут являться могущественными магами, к которым за советом обращаются

лица обоего пола). Датогские женщины достаточно самостоятельны и имеют высокий статус. Сегодня разводы по инициативе женщин — вполне распространенная практика в датогском обществе. Причинами разводов могут выступать бездетность, пьянство мужа, его агрессивный нрав или игнорирование экономических интересов жены.

Рассмотрим теперь церемонию «*верверк*», являющуюся одной из основных церемоний жизненного цикла у датога, и проследим, какая роль в ней отводится собственно матери, ее родственникам и родственникам мужа. Цель данной церемонии — включение ребенка в датогское общество, которое на первом этапе жизни младенца представлено его семьей и членами клана мужа. Подобные манипуляции могут производиться с ребенком в возрасте от 7 дней до одного месяца.

К моменту нашего приезда муж роженицы вместе с другими молодыми мужчинами уже несколько месяцев пас скот в Ольпиро (район национального парка Нгоро-Нгоро), далеко от дома. Практика длительных откочевок молодых мужчин (в том числе и женатых) со скотом в поисках пастбищ и водопоев для датога вполне привычна, так что ситуация, которую мы наблюдали, не являлась исключительной.

Роды были тяжелыми из-за неправильного положения плода, и в виде исключения роженицу отвезли в госпиталь. Подавляющее же большинство датогских женщин продолжает рожать дома, без какой-либо медицинской помощи. Новорожденному, им оказался мальчик, дали имя Подамани Киквете (имя президента Танзании), что, по представлениям родственников, должно благоприятно отразиться на его судьбе. Вернувшись из госпиталя, молодая мать постоянно находилась в доме и, как мы в дальнейшем убедились, продолжала соблюдать «затворничество» на протяжении двух месяцев и одной недели.

С роженицей могли контактировать женщины — родственницы и свойственницы, проживающие в данной *геде* (подворье по-датогски), — дети, а также «избранный круг» посетителей, к которому мы были причислены. В комнате роженицы находился очаг, о поддержании огня заботились несколько девочек в возрасте от 5 до 12 лет. Они собирали хворост, подбрасывали ветки в огонь и следили за приготовлением пищи.

Нас допустили не только в центральную гостевую комнату, но и в комнату матери и ребенком, более того, пригласили сесть на кровать роженицы. При этом сама молодая мать не проявляла ни малейшего беспокойства, напротив, стала демонстрировать ребенка (раздела донага и позволила его осмотреть). Нам (М.Б. и В.Б.) тотчас же дали подержать ребенка под радостные комментарии хозяев. Именно в этот благословенный момент всеобщего расслабления и умиротворения мы и получили приглашение присутствовать на церемонии «верверк».

Далее мы воспроизводим подробные детали происходившего. Итак, мы собрались в доме роженицы примерно 16.00, когда жара уже начинает спадать. К этому времени были сделаны все необходимые приготовления. Мать и бабушка удобно расположились друг напротив друга на традиционных низеньких скамеечках, и мать кормила ребенка грудью, чтобы он меньше нервничал перед церемонией. Родственницы отца ребенка принесли и положили перед бабушкой сухие козьи катышки, длинные колючки акации и глиняный черепок (разбитый горшок).

Бабушка Удабунда вымыла с мылом голову внуку и стала осторожно сбривать волосы простым бритвенным лезвием (фото 1). Каждый раз, когда ребенок начинал плакать, Удабунда прикладывала его к груди, успокаивая ласковыми словами и поглаживанием. Периодически бабушка передавала ребенка на руки матери и та прикладывала сына к груди, ласково с ним ворковала, а бабушка продолжала брить его головку. Все действия над малышом производились крайне бережно и аккуратно, чтобы свести неприятные ощущения к минимуму. Сбритые волосы падали на земляной пол дома, и когда бритье было завершено, их заботливо собрали и спрятали в комнате роженицы. По окончании церемонии прижигания их отнесли в загон для скота.

Фото 1.

Фото 1. Удабунда сбривает волосы внуку, готовя его к церемонии прижигания (фото авторов)

Как объяснила Удабунда (ее комментарии сходны с объяснением других женщин-датожек), делают это потому, что ребенок еще не умеет

ходить, он слаб и беспомощен. По представлениям датога, в это время он очень чувствителен к любым проявлениям злых сил. Незнакомые люди и недоброжелатели могут подобрать его волосы (если выбросить их за ограду *gedы*) или наступить на волосы, если их просто бросить во дворе. Поскольку новорожденный еще очень слаб и душа еще непрочно закрепились в его теле, то он не в силах противостоять злу и может заболеть или даже умереть под влиянием черной магии.

Манипуляции с первыми волосами ребенка несколько варьируют у датога от клана к клану. В одних случаях, как было описано выше, их выносят в стойло сразу по окончании церемонии прижигания, в других — прячут под кроватью роженицы, завернув вместе с пуповиной и последом в тряпочку или кусочек кожи, а через некоторое время выносят эти предметы в стойло и там зарывают.

Когда закончилась подготовка ребенка к прижиганию, Учеса (жена брата мужа роженицы) внесла в комнату тлеющую деревяшку и положила в разбитый горшок. Затем она насадила козий катышек на колючку акации и приложила его к дымящейся щепке. После того, как он затлел, Удабунда вновь бережно взяла на руки младенца, прижала к себе, приговаривая ласковые слова, и несколько раз приложила раскаленный катышек к центру лба мальчика. Каждый раз, когда ребенок начинал сильно беспокоиться и плакать, Удабунда нежно баюкала его, давала свою грудь, пела колыбельную и качала. Затем последовало прижигание области родничка и затылка, а также двух точек на позвоночном столбе — между лопатками и повыше крестца. На этом церемония завершилась. В других семьях младенцу могут прижигать еще несколько точек по нижнему краю грудной клетки и в области солнечного сплетения.

Прижигание лба, родничка и затылка остается по сей день обязательной процедурой для датога, его практикуют даже те родители, которые перестали вести традиционный образ жизни, закончили школу и переехали в поселки или небольшие городки. Хотя от прижигания на коже на всю жизнь остаются заметные следы в виде круглых ямок, сам процесс оказался значительно менее болезненным, чем мы ожидали. Щадящее обращение с младенцем, умелое переключение его внимания на

приятные ощущения, комбинация поглаживания, массажа, кормления грудью с кратковременными болевыми процедурами сводят к минимуму травмирование детской психики. Сами ожоги неглубокие и имеют диаметр около 5 мм. Ранки быстро подживают, и уже через несколько дней, ребенок не чувствует никакого дискомфорта.

Прижигание младенца — это не испытание, а неизбежная (хотя и неприятная) процедура, обойти которую для датога не представляется возможным. Негативные переживания ребенка сводятся к минимуму также самой привычной обстановкой дома, знакомыми лицами матери и близких родственников, приятным полумраком, вечерней прохладой и положительными эмоциями всех собравшихся. Такие знаки на лице и теле служат важным идентификационным признаком племенной принадлежности. По шраму на лбу датога безошибочно распознают соплеменников и отличают от антропологически близких к ним масаев. Это обстоятельство исключительной важности, так как между датога и масаями существует многовековая вражда (войны, набеги, взаимный разбой с угоном скота).

Таким образом, свою первую инициацию, связанную с интеграцией в датогское сообщество, ребенок проходит в первые недели жизни. От иницируемого при этом, конечно же, не требуется мужества или демонстрации стойкости, как это бывает в случае обрезания или скарификации в обрядах инициации подростков.

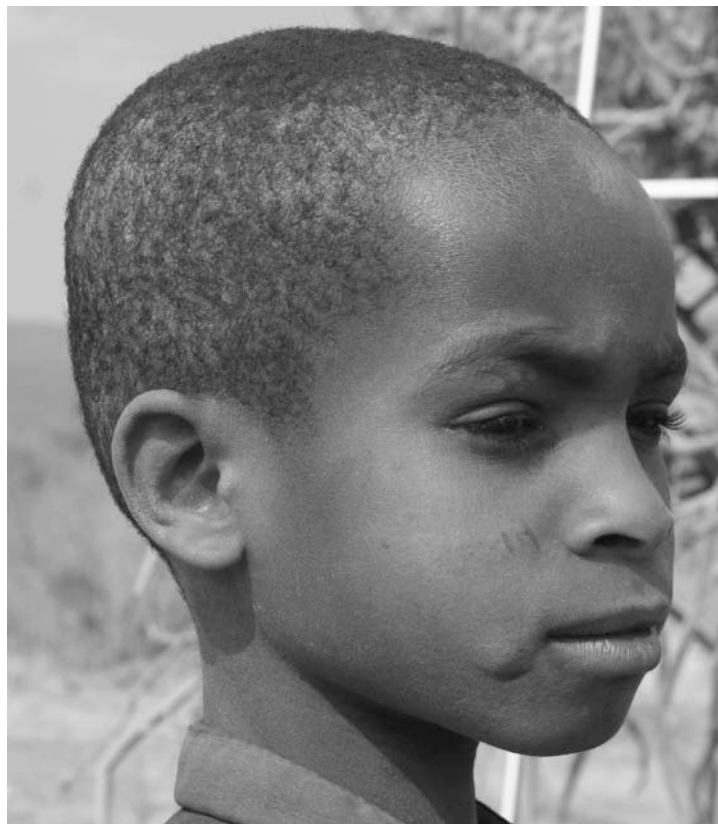
Наряду с прижиганием (обязательным для всех датога) отдельные кланы (например, клан *Баджута*) практикуют также обязательное шрамирование верхних век младенца. Малышу аккуратно наносят два вертикальных надреза на каждое веко. Считается, что в противном случае у него будут болеть глаза, и он будет страдать от глазных болезней или даже ослепнет.

Кроме того, чтобы ребенок не плакал, производят шрамирование на щеках в виде двух вертикальных надрезов длиной 5 мм (фото 2). На мой вопрос: «Как это связано с плачем?», женщины-датога пояснили: «Соленые слезы попадают в ранки на щеках, и ребенок испытывает жжение всякий раз, когда принимается плакать». Таким образом, данная

церемония стоит на принципах отрицательного подкрепления, и ее основная цель — не племенная идентификация, а скорее прагматическое желание, чтобы ребенок доставлял минимум неудобств матери и окружающим людям. В настоящее время такие насечки наносят не всем младенцам, а только тем, которые часто плачут.

[Фото 2]

Фото 8. Следы от шрамирования на щеках в виде двух вертикальных надрезов (фото авторов)

Датога полигамны. Многие мужчины имеют двух и более жен. Причем, зачастую дома жен расположены в пределах одного подворья. Между женами редко возникает открытая конкуренция или ревность, как правило, их ссоры носят характер незначительных перебранок или взаимных подколов. Но выносить конфликт на суд мужа они не стремятся, зная, что за этим последует наказание обеих сторон.

Выйдя замуж, женщина переходит жить в бому мужа и оказывается в окружении его родственников (матери и жен его отца, сестер и братьев, жен братьев и пр.). Обращает на себя внимание теплое обращение

свекрови с невесткой, равно как и ее участие (в качестве бабушки) в заботе о новорожденном. В рассмотренном примере Удабунда была счастлива, что стала бабушкой и гордилась внуком. Она проводила много времени в комнате роженицы, ухаживала за ней и нянчила ребенка. Младшие дочери Удабунды (сестры мужа роженицы) постоянно заботились о чистоте помещения и очаге. Дружелюбная атмосфера, несомненно, способствовала хорошему внутреннему настрою роженицы и обеспечивала ей комфортное житье в отсутствие мужа, вдалеке от ее собственных родственников.

Существенную роль в выживании новорожденных играет изоляция роженицы с ребенком или ограниченный доступ к ней (как это наблюдается у датога). Практику временного отделения роженицы от соплеменников можно наблюдать почти во всех традиционных обществах. У австралийских аборигенов, к примеру, «женщина в период беременности и в первое время после родов должна была соблюдать различные табу и совершать определенные обряды, чтобы магическим путем обеспечить здоровье младенцу. В некоторых районах соблюдать аналогичные запреты и прибегать к сходным магическим приемам должен был также муж беременной женщины и отец новорожденного» [1, с. 22].

Манипуляции с последом, пуповиной и первыми волосами также широко распространены в традиционных обществах на всех континентах. Они основаны на анимистических представлениях о том, что душа ребенка служит легкой добычей для злых духов, потому что приходит из другого мира и еще не закрепилась в новых условиях. Защитить ребенка можно было разными путями: нивхи давали новорожденному имя в первые дни жизни, потому, что злой дух *милк* мог сделать это раньше и забрать его душу [7, с. 99]; манси прятали послед в берестяную коробку и вешали около священных женских мест [12, с. 81]. В их представлениях, «если эти вещи бросить где попало, то из них вырастет страшное существо, которое убивает людей (*паульерут*)» [Там же].

Чтобы уберечь ребенка от козней злых духов, нанайцы внутри родильного шалаша и перед ним сжигали на больших кострах ветки и листья болотного багульника. Сама роженица меняла одежду [9, с. 122]. У оленных чукчей для защиты малыша практиковали обряд помазания

кровью жертвенного оленя. «Мать с ребенком объезжала на детской нарте, запряженной одним оленем, вокруг яранги. Около жертвенного места, расположенного сзади яранги, оленя выпрягали и закалывали копьем. Старшая женщина, хозяйка яранги, наносила знаки помазания на лоб, щеки, подбородок ребенка. Кровью смазывали подмышки, промежность, суставы рук и носки детского комбинезона. Она же наносила знаки помазания на лицо матери и присутствующих членов семьи. После помазания ребенок находился уже под покровительством семейных предметов культа [13, с. 142].

Во многих традиционных культурах магические свойства приписывались пуповине. Это характерно для аборигенов Австралии, алтайцев, народов Севера и Южной Америки. Австралийские аборигены кладут пуповину «в маленькую плетеную сумку, которую мать носит с собой, а затем передает ее близкому родственнику отца ребенка. Тот, в свою очередь, кладет ее в священную сумку *дилли*» [2, с. 108]. Бережное отношение к ребенку и желание защитить его всеми способами (рациональными и мистическими) вполне объяснимы, учитывая высокий уровень детской смертности в традиционных обществах. У датога, к примеру, около 20% детей умирают, не достигнув 5-летнего возраста.

В случае церемонии *верверк* у датога особое внимание уделяется голове ребенка, и это обстоятельство представляется не случайным. Как отмечает Фрэзер, «многие народы считают голову особо священной частью тела. Это связано иногда с верой в то, что в голове обитает душа, которая весьма чувствительна к обидам и непочтительному отношению. Йоруба — верят, что у каждого человека есть 3 духовные сущности, первая из которых находится в голове. Духу этому приносят жертву домашней птицей, а себе в лоб втирают ее кровь вперемешку с пальмовым маслом» [13, с. 247].

Не случайным является и включение стрижки волос в общий ритуал инициации младенца. «Стрижка волос, по воззрению первобытного человека, связана с двойкой трудностью или опасностью. Во-первых, существует опасность потревожить дух головы, который потом может отомстить» [Там же, с. 248]. Поэтому данную процедуру проводят со всей осторожностью и доверяют ее избранным: матери или опытной женщине-

родственнице. «Во-вторых, с трудностью сталкиваются при захоронении отрезанных прядей. Нельзя оставлять отрезанные волосы и ногти в тех местах, где они могут исчезнуть или попасть в руки злоумышленников, которые, оказав на них магическое воздействие, станут причиной гибели человека» [Там же]. Когда в традиционных культурах младенцам сбривают первые волосы, их стараются спрятать наилучшим способом. Эти волосы выполняют магическую функцию, и от их безопасного размещения зависит благополучие и здоровье ребенка. К примеру, «южные тетумы (о. Тимор) проводят обряд первого срезания волос спустя 3–6 недель после рождения, слабым детям — как только мать окрепнет после родов» [10, с. 133]. «Срезанные волосы прятали в ореховую скорлупу, и спустя 7 дней закапывали эту скорлупу в источник или под банан, как и пупок, чтобы ребенок рос так же быстро, чтобы головка у него не болела, а была ясной, как вода в источнике [Там же, с. 134]. У осетин считалось, что первые волосы делают ребенка предрасположенным к сглазу, поэтому их старались стричь как можно раньше. «Остриженные волосы не выбрасывали, а держали в люльке» [4, с. 49].

Вместе с тем в сбривании первых волос у датага можно усмотреть также и обряд отделения, за которым вскоре следует прижигание как обряд включения. Цель обрядов включения, по выражению ваяо Восточной Африки, «ввести ребенка в мир» [5, с. 54].

Озабоченность выживанием младенца в традиционных культурах понятна, ведь придя в этот мир, малыш еще не успевает прочно в нем закрепиться. Так, по представлениям нганасан, он «находится на грани двух миров — прибыв с того света, он еще не закрепился в мире людей и в любое время может уйти обратно» [3, с. 13]. Душа младенца, как считают нанайцы, «может свободно покидать тело и бродить по разным местам; поэтому на второй-третий день после рождения они совершают обряд «прищемления» ребенка в «среднем мире» [Там же]. Прижигание у датага во многом выполняет сходную функцию: ребенка делают похожим на своих соплеменников и накрепко привязывают в датагскому обществу.

Факт прижигания головы и тела ребенка у датага хорошо понятен в качестве идентификационной метки. Как отмечает М.Б.Медникова:

«Татуировки играют большую роль в обозначении статуса человека, в этом случае их непременно наносят при прохождении “обрядов перехода”» [8, с. 118]. Особое внимание следует обратить на локализацию точек прижигания у датога. Исполнительницы ритуала не смогли объяснить причины, по которым выбираются фиксированные точки. Но они с уверенностью говорили, что делают это, чтобы обеспечить младенцу крепкое здоровье, и отмечали, что прижигание лба и родничка убережет ребенка от головных болей. Эти представления датога можно считать отголоском ранних верований, широко распространенных в древности.

Сходным образом «на островах Бисмарка глубокая скарификация лба производилась с медицинскими целями. Туземцы верили, что глубокие параллельно идущие шрамы, нанесенные на лоб ребенка от двух до пяти лет, уберегут его от головной боли и эпилепсии» [Там же, с. 132]. Тот же автор отмечает, что «следы такой операции отпечатываются на костях свода, подтверждая распространенность подобных обычаев в древности, поскольку археологами найдено немало черепов с подобной особенностью» [Там же].

Сопоставив места прижиганий со схемой расположения чакр на теле человека (по представлениям индусов), мы обнаружили поразительные соответствия, которые вряд ли являются простым совпадением. Так, первая и важнейшая точка у датога расположена на лбу примерно в том месте, где, по мнению индийцев, находится шестая чакра (аджня). Напомним, что шестая чакра считается одной из самых важных, ее связывают с психической деятельностью. В этой области, по представлению индусов, располагается третий глаз, или око мудрости.

Наконец, зададим себе вопрос: почему датога столь нетерпимо относятся к детскому плачу? Очевидно, что дело здесь вовсе не в неудобствах, испытываемых при этом родителями. Людям традиционной культуры частый плач ребенка видится как нечто аномальное, потенциально угрожающее существованию младенца. Различные ритуалы, предотвращающие или останавливающие плач младенцев, широко распространены в традиционной культуре. Нанайцы, к примеру, «вверху над люлькой, почти над головой, вешали изображение фигурки паука

атая, который своей паутиной, якобы скреплял рот плаксы. Полагали, что когда ребенок кричит, он этим извещает о своем ненормальном положении. При крике ребенка мать давала ему прежде всего грудь, чтобы он утолил голод и жажду. Если ребенок продолжал беспокоиться и ему не помогали никакие амулеты, повешенные на люльке, считалось, что душа его на время плача уходила из него» [9, с. 124]. Аборигены Западного Арнемленда держали новорожденного «лицом вниз над дымящимся костром: считается, что после этого он будет спокойным и хорошим, и не будет слишком много плакать» [2, с. 108].

Завершая эту статью, подчеркнем, что церемония «верверк» описана нами не по материалам воспоминаний пожилых датого. Этот ритуал повсеместно практикуется в наши дни, как, впрочем, и многие другие церемонии жизненного цикла. Замечательная сохранность традиционных церемоний — обратная сторона маргинального положения датого в современном танзанийском обществе. Для нас как антропологов возможность включенного наблюдения в этой традиционной культуре, практически не затронутой влиянием модернизационных процессов, большая удача и огромное счастье.

Литература

1. Артемова О.Ю. Дети в обществе аборигенов Австралии // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии / Под ред. И.С.Кона, Н.А.Бутинова. М.: Наука; Восточная литература, 1992.
2. Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981.
3. Бутинов Н.А. Детство в условиях общинно-родового строя // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. / Под ред. И.С.Кона, Н.А.Бутинова.
4. Дзущев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994.
5. Ван Геннеп А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 2002.
6. Калиновская К.П. Очерки этнологии восточной Африки. М., 1995.

7. Калиновская К.П. Нилоты // Народы и религии мира / Под ред. В.А.Тишкова. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
8. Медникова М.Б. Неизгладимые знаки. М.: Языки славянской культуры, 2007.
9. Сем Ю.А. Воспитание детей в традиционной культуре нанайцев // Этнография детства. Традиционное воспитание детей у народов Сибири / Под ред. И.С.Кона, Ч.М.Таксами. Л.: Наука, 1988. С. 121–139.
10. Соболева Е.С. Социализация детей на о.Тимор // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии / Под ред. И.С.Кона, Н.А.Бутинова. М.: Наука; Восточная литература, 1992.
11. Таксами Ч.М. Традиционное воспитание детей у нивхов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири / Под ред. И.С.Кона, Ч.М.Таксами. Л.: Наука, 1988. С. 96–120.
12. Федорова Е.Г. Ребенок в традиционной мансийской семье // Там же. С. 80–95.
13. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М.: Рефл-бук. 1998.
14. Чесноков Ю.В. Некоторые аспекты традиционного воспитания детей в культуре оленных чукчей и коряков // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. С. 140–151.
15. Lane C. Alineation of Barabaig pastureland: Policy implementations for pastoral development in Tanzania. UK: University of Sussex, 1991.
16. Rekdal O.B., Blystad A. «We are as sheep and goats»: Iraqw and Datoga discourses on fortune, failure and the future // The poor are not us: Poverty and pastorslism in Eastern Africa / D.Anderson, V.Broch-Due, eds. Oxford: James Currey, 1999. P. 125–146.
17. Sellen D.W., Borgerhoff Mulder M., Sieff D.F. Fertility, offspring quality, and wealth in Datoga pastoralists: Testing evolutionary models of intersexual selection // Adaptation and human behavior: an anthropological perspective / L.Cronk, N.Chagnon and W.Irons, eds. Hawthorne: Aldine de Gruyter, 2000. P. 91–114.